

ТИПЫ *HOMO POLITICUS* И ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЕ СОЗНАНИЕ

Цель данной статьи – показать диалектическое единство и противоположность политического и интеллигентского сознания. Сказать об актуальности темы взаимосвязи политики и морали – значит ничего не сказать, поскольку эта тема относится к разряду “вечных”. Макиавелли и Кант – не просто классики, а знаковые фигуры в этой проблеме. Их тексты комментировали и будут комментировать “всегда”. Они создали свои интеллектуальные миры. С тех пор каждый автор, описывая их, входя в них, занимает там свою орбиту, самоопределяется. Так был создан монблан литературы, посвященный каждому миру в отдельности. Однако труды, в которых осуществлен сравнительный анализ их политических взглядов и теорий, автору не известны. Действительно, эти мыслители, на первый взгляд, занимают полярные позиции: один выводит мораль за пределы сферы политики, другой определяет политику как часть практического разума и подчиняет его категорическому (моральному) императиву. А между тем есть мостки, соединяющие макиавеллизм и кантианство. Это я и стремлюсь показать в данной статье. Важно также отметить, что кантианский тип мышления выражает суть интеллигентского сознания. Следовательно, ставя так вопрос, мы выходим на понимание различия собственно политического мышления и интеллигентского сознания.

* * *

В *мире политического* я выделяю два чистых типа политического поведения, две модели *homo politicus* (“человека политического”) – *макиавеллистскую* и *кантианскую*. Они образуют полюса мира политического. Между ними существует неисчислимое множество промежуточных типов, представляющих индивидуальные сочетания этих двух типов.

Чистый кантианский тип – это модель *правозащитника*, общественного деятеля в политической сфере. Ему чрезвычайно трудно дышать в мире политического и требуется подзарядка за его пределами – в религии, морали, науке и т. д. Я утверждаю, что люди этого типа чрезвычайно облагораживают сферу политики, подчеркивая ее нравственно-идеалистический аспект, внося в нее необходимый фермент общественного контроля. Тем не менее они – неважные политики, если не сказать – никакие, ибо их отношение к власти не позволяет им быть во власти. Характерно, что они *ощущают* это сами. Академик А. Д. Сахаров являл собой классический пример чужеродности в политической сфере. Он сам говорил о себе: “Я не профессиональный политик”. Однако, тем не менее от участия в политике он отказаться не мог.

Чистый макиавеллист – не монстр, не злодей, не ницшеанский сверхчеловек, не стопроцентная скотина, как принято думать. Это скорее *веберовский бюрократ*, целерациональный тип, который превыше всего ценит эффективность управленческого решения. Оправданием ему служит то, что политический (деловой) эффект превышает издержки, без которых все равно не обойтись. Он считает: жертвовать надо, но делать это надо оправданно, *целесообразно*. Слово

“целесообразно” – ключевое для понимания психологии макиавеллиевского человека. Макиавелли писал о вынужденной необходимости для государственного деятеля быть непорядочным, с точки зрения индивидуальной морали, принимать “непопулярные”, а порой и жестокие решения. Это, как известно, погубило ему репутацию в веках. Якобы Макиавелли утверждал, что цель оправдывает средства, то есть оправдывал грязную, преступную политику, выводя мораль за границу политической сферы.

Думается, Макиавелли родился как гений злодейства в интеллигентском сознании. Последнее имеет своим истоком христианский гуманизм. Не впадая в парадокс, можно высказать мысль, что интеллигентское сознание было уже тогда, когда еще не было интеллигенции как особого социального слоя. Истинный интеллигент – это рыцарь-защитник, вступивший в неравный поединок с властью. Он идет в бой с одним щитом, без меча. На щите выгравирован девиз: “Не могу молчать!” Его оружие – слово убеждения, обращенное к власти. В общем, дон-кихотствующий тип человека. Как слой интеллигенция представляет в государстве интересы гражданского общества. Общеизвестные достижения в науке, искусстве, спорте, общественном подвижничестве дают ей власть особого рода – общественный авторитет. Как показала наша недавняя история, в условиях незрелой демократии, в революционном переходе от одного типа государственности к другому, когда народная активность становится выше обычной, интеллигенция легко конвертирует свой общественный авторитет на власть политическую. Как правило, ничего хорошего из этого ни для нее, ни, что особенно важно, для общества не выходит.

Между тем, историческое недоразумение считать Макиавелли имморалистом. Крупнейший итальянский философ прошлого века Б. Кроче отметил “почему-то ускользающую от наблюдателей щемящую горечь суждений Макиавелли о внутренней неизбежности политических закономерностей”. “Удивительно, – пишет он, почему ясно выраженной мысли и остро переживаемой боли морального осознания не достаточно тем, кто болтает об имморализме Макиавелли. Может, за мораль чернь принимает только размазывание елса и ханжеское лицемерие?”[1] Кроче абсолютно прав. Человека, который в последней главе “Государя” излил на бумагу свой пламенный патриотизм, сравнил будущего освободителя и объединителя Италии с Моисеем, Киром и Тезеем, – и такого человека упрекнуть в презрении к морали!!! Макиавелли дал имя малопривлекательной стороне политической личности, как врач дает свое имя изученной им болезни. Согласитесь, глупо и несправедливо обвинять врача в “жестокости” описанной им болезни. Но по отношению к Макиавелли это продолжают делать (не все) до сих пор.

Высшая добродетель для Макиавелли была воля к цели. Это становится предельно ясно каждому, кто даст себе труд обозреть исторический контекст. Макиавелли жил в эпоху потрясающего разложения нравов и упадка воли итальянцев, нежелания протрезветь и осознать, в каком жалком положении оказалась их некогда великая родина. Поэтому для него, пишет итальянский проф. Ф. Де Санктис, “моральная ответственность заключена в цели, а не в средствах... И если вы называете макиавеллизмом средства, с помощью которых достигалась цель, то сообразованно назвать макиавеллизмом и достигнутые цели”[2]. Можно ли было

во времена Макиавелли найти альтернативные средства, ведущие к достижению цели? – вот вопрос, который не интересует его обвинителей. Писатель Ф. Искандер точно угодил в макиавеллистскую суть политического гения Ленина, когда написал : “Пафос Ленина - не истина, а цель, понятая как истина” [3].

Итак, если цель изначально нравственна, то средства обусловлены средой (нравами эпохи, конкретной ситуацией, настроениями в элите, армии и народе и т. п.). Они выведены за скобки и представляют переменную величину в формуле политика макиавеллистского типа. Выбор между добром и злом в реальной политике практически исключается. Из двух зол выбирают меньшее – таково правило политика. Поскольку часто нельзя решить априори, что есть добро и что есть зло, какие действия ведут к тому или другому, политик принимает решение, находясь, по выражению Ницше, по ту сторону добра и зла. При этом ему важно предвидеть, как в данном случае будет воспринято его решение, поскольку “...добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными” [4]. Доброта в глазах народа может выглядеть как слабость, нерешительность, уступчивость, малодушие. *То, что в частной жизни безусловно порицаемо, заслуживает иной оценки в политике.* Там добро лишь то, что приводит к цели, а не то, что в данный момент *кажется* добром.

Политик ориентируется на реальность, моралист – на должное. Здесь та разница, которая моралиста делает неважным политиком, а политика – плохим священником. Макиавелли прекрасно это понимал, что не мешало ему восхищаться высокими моральными качествами великих государственных мужей. Еще бы, ведь он – человек Ренессанса! Но превыше всего он ценит в правителях государственное подвижничество. Государь *призван* к правлению, связан *долгом перед Богом* блюсти свое государство. В этом моменте утилитарист Макиавелли тесно сближается с метафизиком Кантом, ибо здесь пахнет категорическим императивом.

Кант мыслит как анти-Макиавелли. Он заявляет: “...необходимо прежде всего решить вопрос: следует ли, ставя перед собой задачи практического разума, начинать с его *материального принципа, с цели* (как предмета произвола), или же с *формального принципа* (основанного только на свободе во внешнем отношении)... [5]. И настаивает, что надо следовать всеобщему принципу, поскольку цели (мотивы) у людей разные, и о них судить бывает подчас невозможно. *Политика должна быть принципиальной, иначе она обречена на конъюнктурное шараханье.* Таков подход Канта.

На первый взгляд кажется, что этика Канта не имеет абсолютно никакого сцепления с реальной политикой, ибо она сосредоточена на выборе правильного морального средства, ведущего к цели, полагая, что уже само по себе это целесообразно. Что касается внешней цели, то она “приложится” (должна приложиться!), ибо, как полагал Кант, в мире существует онтологическая согласованность целей и средств, так что цели уже обуславливают собой определенные средства, а используемые средства указывают на истинную цель, а не на ту, которая декларируется на словах. Если благая цель достигается негодными средствами, то на определенном этапе происходит фактическая

подмена целей или замена субъекта политики. Тому бездна примеров. Указать хотя бы на коммунистический эксперимент в России.

В основе этики Макиавелли, в отличие от кантовской, заложен принцип гетерономии (преследование внешней цели). Средства обусловлены ею. Макиавелли на 100% “практичен”, ибо изучает и предлагает технологии, ведущие к успеху в политическом противоборстве. Кант на 100% “непрактичен”, поскольку его интересует не внешняя (гетерономная) цель, а принципиальная возможность свободного выбора, парения над обстоятельствами, угнетающими свободу воли.

И все же кантовская этика выявляет существенные моменты поведения политического деятеля, поскольку он, как и все люди, обладает моральным статусом. Что имеется в виду? Во-первых, Кант все-таки интересуется внешней целью. “В самом деле, - пишет он, - без всякого отношения к цели не может быть никакого определения воли в человеке... [6]. Во-вторых, в той мере, в какой субъект политического действия стремится поступать нравственно, в той же самой мере он пренебрегает результатом. Здесь речь идет именно о *мере пренебрежения* внешней целью, поскольку человек прежде всего сам для себя цель. Это всегда сопряжено с внутренней борьбой, личностным выбором. Политик, часто жертвующий своей свободой, преодолевающий в себе моральное существо, по сути встает на путь саморазрушения личности. Вот почему беспринципные политики опасны как для общества, так и для себя самих.

Кант фактически предъявил политику требование: будь личностью! Глубина личности определяется ее нравственным самосознанием. “Ибо что такое личность? – я цитирую М. К. Мамардашвили. - Это нечто, что не имеет никаких других оснований, кроме самого себя, то есть – само-бытие” [7].

Язык личности – это язык свободы. А язык политики – является ли он языком свободы? Вряд ли. Это язык интереса, корысти, партийной страсти, расчета. Вот момент *тайны*, связанный с личностным измерением: политик включен в цепь обстоятельств, детерминирован внешними фактами, но тем не менее принимает решение свободно, с учетом, но независимо от эмпирии. Дело в том, что последствия решения, как правило, до конца никогда не просчитываются. Здесь мы имеем дело с вариантом “дурной бесконечности”, поскольку у каждой причины есть своя причина. А решение принимать нужно здесь и сейчас. Поэтому оно должно включать в себя аргумент, непосредственно не вытекающий из эмпирии. Это и есть главный довод, склоняющий чашу весов. Моральные мотивы не находятся в одном ряду со всеми прочими конкретными мотивами, определяющими человеческие поступки, скажем, с мотивами выгоды, честолюбия, власти, удовольствия и так далее. Они находятся за ними, возвышаются над ними. Это как бы мотивы мотивов, *causa causalis*. Моральная философия (убеждения) и есть область “последнего аргумента” политика.

Главный довод в политике не имеет политического характера! Это можно назвать “парадоксом политика”. Политик, поскольку он личность, всегда выше той политики, в которой он “плавает”. Большой политик, говоря языком Мамардашвили, не эмпирический, а онтологический человек.

При прочих равных условиях, великий политик – тот, кто руководствуется идеями, хуже рангом – тот, кто преследует общие интересы, и последнее место в этом ряду занимает тот, кто удовлетворяет свои личные амбиции. Чтобы быть большим политиком, нужно быть личностью, чтобы быть личностью, нужно совершать нравственные выборы. Так Макиавелли и Кант замещают друг друга. Если можно так сказать, они взаимодополнительны.

Кант рассматривает политику как область практического применения моральной философии, практическое правоведение. “Политика говорит: “Будьте мудры, как змии”, мораль прибавляет (как ограничивающее условие): “И чисты, как голуби”. Если то и другое несовместимо в одной заповеди, то действительно существует спор между политикой и моралью; но если они *во что бы то ни стало* должны быть соединены, то понятие о противоположности абсурдно и вопрос о том, как уладить спор, не будет представлять проблемы” [8]. Debes, ergo potes (должен, значит можешь) – говорили римляне. “Все искусство управления состоит в искусстве быть честным” – этот джефферсоновский афоризм свидетельствует о том, что он по-кантовски проник в суть проблемы: быть честным в политике – это искусство. Я бы сказал: высший пилотаж.

Далее. Кант утверждает: “...*объективно* (в теории) не существует спора между политикой и моралью. *Субъективно* же (в эгоистических склонностях человека...) это противоречие остается и может оставаться всегда...” [9]. Это означает, что политик *никогда* не будет освобожден от своего права и обязанности принимать решения, за которые он должен будет нести всю полноту ответственности. “Мораль уже сама по себе есть практика в объективном смысле как совокупность безусловно повелевающих законов”, – утверждает Кант [10]. Это – практика самоограничения: есть незримая черта, которую не должен переступать политик, если он не хочет обрушить социальную структуру того мира, в котором он действует, и свою собственную внутреннюю структуру.

В зависимости от того, как разрешают политики указанное противоречие, Кант разделил их на два разряда: моральный политик и политический моралист. *Моральный политик* – тот, который устанавливает принципы политики, совмещающиеся с моралью. *Политический моралист* (или морализующий политик) – тот, который приспособливает мораль к интересам. То есть морализующий политик подцепляет принципы к цели, тогда как моральный политик определяет цель, исходя из принципов.

Политический моралист (политикан) оправдывает свою беспринципность ссылкой на “благоразумие”, “здравый смысл”, “знание жизни, натуры людей” и прочее. Вероятно, именно этот тип политика имел в виду американский журналист Сидни Харрис, когда заметил: “Если человек назвал себя “реалистом”, будьте уверены: он собирается сделать что-то такое, чего в глубине души стыдится”. К сожалению, интеллигент в силу структуры своего сознания, наивной веры в слова часто принимает политического моралиста за “своего”, оказывает ему общественную поддержку, а впоследствии горько кается. Вспомним хотя бы периоды пылкой любви интеллигенции к Горбачеву, а затем и к Ельцину.

Кант не питал иллюзий в отношении человеческой природы, он знал, что “обладание властью неизбежно извращает свободное суждение разума” [11]. И все же он надеялся на историческую тенденцию, которая демонстрировала культурный процесс смягчения нравов. Во всяком случае, чувствуется большая сила убеждения в следующих его словах: “Истинная политика... не может сделать шага, заранее не отдав должного морали, и хотя политика сама по себе трудное искусство, однако соединение ее с моралью вовсе не искусство, так как мораль разрубает узел, который политика не могла развязать, пока они были в споре” [11].

Самородное золото – и то с вкраплениями. Так и в политике: чистые типы встречаются крайне редко. Да и выглядят они внешне несимпатично. Один – “слишком деловой”, другой – чистюля, боящийся замараться. Они даже опасны, как опасны бывают крайности. Нормально, когда Макиавелли и Кант ведут свой нескончаемый спор внутри сознания политической личности. Причем первый по-итальянски говорливее и темперантнее, а второй по-немецки глубже и методичнее. Впрочем, у разных политиков этот внутренний диалог протекает по-разному, но, главное, они должны обладать этими двумя родами аргументов. В диалоге “О государстве” Платон говорит о двух Афродитах – небесной и вульгарной. Это два уровня *божественного* – высокий и низкий. Макиавеллиевская мораль направляется Афродитой вульгарной, кантовская – Афродитой небесной. Интересы и мораль не должны игнорировать друг друга.

* * *

Судя по высказываниям самих политиков, то есть людей, которые имеют прямое отношение к государственной власти, Макиавелли им ближе, чем Кант, поскольку он рассуждал о самом заветном для них предмете – как завоевывать и удерживать власть. Он был, как бы сейчас сказали, политтехнолог. Интеллигенты отдают безусловный приоритет Канту. И это понятно: они оценивают политику с позиции морали, понимаемой как индивидуальный долг (категорический императив). Здесь проходит водораздел между государственным и общественным деятелем, соответственно, между государством и гражданским обществом. Я говорил о полноте этих позиций. Но, во-первых, полюсам не свойственна неподвижность, порой они даже меняются местами. А, во-вторых, государственно-политический деятель и деятель общественно-политический находятся в оппозиции, следовательно, во взаимодействии друг с другом. Борясь, они влияют друг на друга. Политики все чаще хотят выглядеть интеллигентами, а интеллигенты иногда демонстрируют, что им не чужд политический разум. Это – позитивная тенденция главное, поскольку диалог власти и общества является первым и последним условием нормального демократического процесса развития и того, и другого. В заключении хотелось бы выразить надежду, что уже само понимание разных социальных ролей и задач государственного и общественного деятеля, профессионального политика и интеллигента принесет пользу украинскому обществу.

Литература

1. Кроче Б. Макиавелли и Вико // Антология сочинений по философии. – Пер. с итал., сост. и коммент. С. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 1999. – С. 128.

2. Де Санктис Ф. Макиавелли. – В кн.: Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО- Пресс; Харьков: Изд-во “Фолио”, 1998. – С. 645, 653.
3. Искандер Ф. Ласточкино гнездо. Проза. Поэзия. Публицистика. – М.: Фортуна Лимитед, 1999. – С. 361.
4. Макиавелли Н. Указ. соч. – С. 102.
5. Кант И. К вечному миру. – В кн.: Избранное: В 3-х т./ Пер. с нем. И.Д. Копцева и др.; науч. ред. Л. А. Калининков. – Т. 2. – Калининград: Калининградское кн. Изд-во, 1998. – С. 123. Курсив Канта.
6. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе. – Соч. в 6-ти т. – Т. 4, ч. 2. – М., 1965. – С. 8.
7. Мамардашвили М. К. Необходимость себя / Сост. и общ. ред. Ю. П. Сенокосова. – М.: Лабиринт, 1996. – С.31.
8. Кант И. К вечному миру. – Избранное. – Т. 2. - С. 116. Курсив мой. – Г. Г.
9. Там же. – С. 126. Курсив Канта.
10. Там же. – С. 116.
11. Там же. – С. 115.
12. Там же. – С. 127.

Опубликовано на украинском языке в: Інтелігенція і влада. Громадсько-політичний науковий збірник. – Серія Політологія. - Вип. 2. – Одеса, 2004.